

УДК 340.12

Андрей Владимирович Березкин,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
Светлана Юрьевна Крицкая,
Санкт-Петербургский государственный университет экономики,
г. Санкт-Петербург, Россия
Andrey Vladimirovich Berezkin,
St.-Petersburg State University
Svetlana Yurievna Kritskaya,
St.-Petersburg State University of Economics

ИСТОКИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

The origins of the Organic Theory of State and Law

Аннотация: В статье рассматриваются ранние формы органической теории государства и права.

Summary: The article is devoted to the early forms of organic theory of state and law.

Ключевые слова: макрокосм, микрокосм, органическая теория, метафора «государство – тело».

Key words: macrocosm, microcosm, organic theory, metaphor “state – body”.

«Чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем объективнее становится объект, чем субъективнее, т.е. наступательнее выдвигает себя субъект, тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращаются в науку о человеке» [18, с. 51], – эти слова М. Хайдеггера как нельзя лучше отражают ту семиотическую связь между областями знания физической и духовной природы человека, которая отражена в терминологии понятий политико-правовой деятельности человека, как функционирования человеческого организма.

Аналогия между макрокосмом и микрокосмом, отразившаяся в органической метафоре строения общества и государства как частей человеческого тела, представлена в общественной мысли разных народов с древнейших времен.

В древнеиндийском трактате «Закону Ману» (Манавадхармашастра), текст которого, вероятнее всего, сложился в конце первого тысячелетия до новой эры, связь между частями человеческого тела и понятиями государственно- правового устройства прослеживается постоянно. Так, очень большое значение придается глазам. Это видно и из устойчивого сочетания – «глаз знания» (II, 8)¹, или «око знания» (IV, 24), и из эпитета Наказания (daṇḍa – букв. «палка, посох, стрекало» [28, с. 200]) – «охранителя всех живых существ» (VII, 14): «Где идет черное, красноглазое Наказание, уничтожающее преступников, там подданные не возмущаются...» (VII, 25). Царю шпионы служат глазами: «Царю, имеющему в качестве глаз шпионов, надо различать разные виды воров...»

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются римскими цифрами глава и арабскими цифрами статья Законов в Ману по изданию [9]

(IX, 256), и даже такая нравственная категория, как совесть, имеет глаза: «Злодеи думают: «Никто не видит нас, – но их видят боги, а также их совесть (antarapurusa) (VIII, 85).

Человеческими чертами наделена и страна – дйльа, которая представлена и как территория – местность, и как государственная единица [28, с. 218], например, «эта земля считается вечной утробой живых существ...» (IX, 37) Или «Та страна, которая населена главным образом шудрами, полная неверующими (nastika), лишенная дважды рожденных, – быстро гибнет, измученная голодом и болезнями» (VIII, 22).

У многих народов значение понятия «рука как часть тела» приобрело смысл «рука как символ власти, правления». Хотя Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов ограничиваются примерами из хеттского, латинского, умбрского, древнеисландского, древневерхненемецкого, древнеанглийского и ирландского языков, утверждая, что подобный переход значений отражен «в анатолийском, итало-кельтском и германском» [6, с. 806–807], тем не менее, мы можем добавить к этому пример и из текста «Законов Ману», где понятие «полноты власти» передается через понятие «мощная рука правителя». «Если у кого-нибудь страна пребывает в безопасности, обеспеченная мощью его руки, она процветает у него всегда, как орошаемое дерево» (IX, 255).

Но самый знаменитый пример отождествления частей человеческого тела с элементами общественного устройства представлен в первой главе Манавадхармашастры, где говорится о создании и функционировании четырех крупнейших сословных групп, определивших на долгие века социальное лицо индийского общества. Божественный Самосуший Брахма, прародитель всего мира, из самого себя создал людей и определил правила совместной жизни: «А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней соответственно брахмана, кшатрия, вайшья и шудру» (I, 31); «А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия» (I, 87).

Римский историк Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) в своем монументальном труде «От основания Рима» (Ab Urbe condita), рассказывая о событиях борьбы плебеев против патрициев за политические права, сообщает, что сенаторы, опасаясь начала смуты и стремясь к установлению порядка в государстве, отправили в лагерь к плебеям известного оратора Менения Агриппу, который вместо увещаний, привел сравнение государственной структуры со строением человеческого тела. «В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что все их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела. Так, сравнением уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов, изменил он настроение людей.» [16, с. 63].

Таким образом, именно в Древнем Риме начала детально выстраиваться органическая теория государства и права. Известно, что римские юристы нередко давали общеупотребительным словам, обозначающим определенные функции организма или части тела, новый смысл, создавая термины с фиксированной юридической семантикой. Так, слово *natio*, *nationis* f «рождение» получило значение «народ, нация», а *caput*, *capitis* n «голова» стало правоспособностью. Показательно приобретение новых значений словом *manus* «рука». В различных памятниках права это и «отряд, воинское подразделение», и «драка, стычка», и «власть мужа над женой», и «власть домовладыки над всеми подчиненными ему членами семьи», и «власть как осуществление полного господства

над вещью», и «административная власть»: отсюда выделяются следующие производные от manus: *matrimonium cum manu mariti* «брак под властью мужа», *manumissio* «освобождение от рабства», *emancipatio* «досрочное освобождение от власти домовладыки», *mancipatio* «приобретение права собственности на вещь», *manifestus* «пойманный с поличным», *manubiae* «деньги, вырученные от продажи военной добычи», *mandatum* «поручение», «договор поручения», инструкция императора чиновникам, в основном по административным, иногда частным вопросам», *mandatela* «административная власть» [1, с. 211–212; 4, с. 331–334].

Аналогия между микрокосмом и макрокосмом, строением человеческого тела и устройством общества и государства, а также его правовых установлений имеет глубокую историю. Логика эволюции этой аналогии ясна исследователям: от субстанционального отождествления в древности [17] до сознательного метафорического истолкования ее в рамках позитивистских так называемых «органических» теорий XIX в. общества в целом и государства и права в частности [11].

Возникает совершенно справедливый вопрос о том, какую познавательную функцию выполняла эта аналогия в различные исторические эпохи. Естественно, роль этой аналогии значительнее в те периоды, когда наука об обществе находилась еще на доаналитической стадии развития, не выработала своего понятийного аппарата и терминологии и вынуждена прибегать к метафоре, говорить на «чужом языке», метафорически переосмысляя его. Еще ярче эти закономерности прослеживаются на уровне обыденного сознания. В работе А.Я. Гуревича раскрыто присущее средневековому человеку обладание чувством аналогии, более того, родства структуры космоса, общества, государства и его собственной структуры [7].

Усилившиеся на фоне одновременной резкой критики частота и интенсивность разработки аналогии микрокосма и макрокосма в эпоху Возрождения требуют особого объяснения. Так, отмечая попытки Николая Кузанского объединить идеи микрокосма с христологией, Парацельса – с опытной медициной, Бруно – с символической логикой, Кампанеллы – со спиритуалистической онтологией, Бёме – с мистицизмом, исследовавший эту проблему Дж.П. Конгер писал о том, что мыслители той эпохи, «даже когда они критиковали прежние теории микрокосма, были не в состоянии полностью порвать с ними, а, наоборот, в той или иной степени включали их в свои новые оценки мира» [20, с. 53]. Исследователь объясняет это тем, что «теория о том, что человек суть микрокосм, как нельзя лучше соответствовала тому значению, какое гуманисты склонны были приписывать человеку» [20, с. 53].

Анализ употребления метафоры государство – тело в английской политической мысли XVI–XVII вв. проливает свет на специфику познавательных функций аналогии макрокосма и микрокосма в эту эпоху. Однако решение этой проблемы длительное время сдерживалось скептическим отношением позитивистски ориентированных историков общественной мысли средневековья и эпохи Возрождения к познавательным функциям метафоры. В политико-правовых учениях прошлого эти исследователи стремились увидеть абстрактную, логицизирующую схему. В работах этих историков об аналогии между телом и обществом мы обнаруживаем лишь краткие пренебрежительные замечания. Так, Г.О. Тэйлор по поводу этой чрезвычайно важной и широко распространенной аналогии говорит, что это не более чем «банальное антропоморфное сравнение», а ее частое употребление объясняется лишь тем, что это была «полюбившаяся аналогия» [32, с. 305]. О. Гирке бегло упоминает о «причудливом и ошибочном антропоморфном образе» [23, с. 22, 24, 132]. Дж.Н. Фиггис глубокомысленно замечает, что эта «гротескная метафора» не отражает реальной действительности [21, с. 160]. Дж.В. Морал склонен был трактовать аналогию между микрокосмом и макрокосмом как «фантастический постулат», а частоту употребления прочих метафор мыслителями средних веков и эпохи Возрождения объяснять «бесплодным педантизмом» [26, с. 101].

В столь же легковесном тоне рассуждает по поводу символики трактата Эдмунда Дадли «Древо общего блага» (1509–1510) и Кристофер Моррис: «Можно было бы ожидать, что книга Дадли явится учебником для монарха нового типа, реалистичным, возможно даже «макиавеллистским» по тону и содержанию. В то время как по форме это – средневековая аллегория, доведенная почти до размеров пародии. Читатель узнает, что у Древа общего блага не только четыре корня и пять плодов и что у каждого плода плохая косточка и хорошая кожура, он узнает также, что кожуру надобно есть под «приправой страха Божьего». Средневековой чертой является также и то, что одной из косточек «предприимчивости» надлежит иметь двух «последователей» или «посыльных»: «недовольство» и «высокомерие»; или, быть может, это просто «поэтическая вольность»» [27, с. 15–16]. Этот обычный для историков-позитивистов подход к изучению познавательной роли аналогии в эпоху Возрождения выражен в одной фразе Дж. Сэбайна об аналогии между макрокосмом и микрокосмом; «Изысканная, но не очень понятная аналогия» [31, с. 335]. Приведенные выше мнения проистекали из стремления увидеть в истории общественной мысли средневековья и эпохи Возрождения только логически выраженные системы и, вследствие этого, непонимание принципиальной роли метафоры.

Взгляд, приписывающий метафоре лишь орнаментальную функцию, окончательно сложился в XIX в. Наука, по мнению ученых-позитивистов, должна оперировать строго логически определенными терминами. В популяризации научных знаний допустим эмоциональный элемент, и добиться его можно путем применения определенных приемов, в том числе и метафоры [12; 13].

Подобный взгляд на метафору слишком узок. Исследования последних десятилетий показали, что метафора является одной из форм реализации универсального структурообразующего принципа мышления [15]. В работах историков-медиевистов также отмечается пристальный интерес к метафорической форме изложения основополагающих политико-правовых концепций [2; 3; 10; 14].

Примером наиболее последовательного проведения аналогии между человеческим телом и государством является трактат Эд. Форсета «Сравнительное рассуждение о телах естественном и политическом» (1606) [22, с. 89–103]. Эд. Форсет строит свои рассуждения, сопоставляя строение человеческого тела и государства. В начале трактата, обосновывая свой метод, он апеллирует к античному авторитету: «Верно было сказано Пифагором: человек есть мера всех вещей» [22, с. 89]. Это позволяет Форсету утверждать, что «в самом строении человека явно обнаруживается общее понятие об абсолютном совершенстве, с помощью которого, словно посредством превосходной идеи или строгого правила, мы можем проверить и измерить все вещи» [22, с. 89–90].

Форсет подробно разбирает отношения между правителем и подданными, как отношения между душой и телом: «Как при сотворении человека Бог соединил душу, побуждающую к действию с пассивным телом, так и в Своих установлениях общественных связей людей с целью установления единства государства Он соединил вместе пассивное подданство с активным верховенством; и подобно тому, как в каждом человеке есть побуждающая и управляющая душа и получившее жизнь управляемое тело, так и в государстве есть направляющая и управляющая власть и покорные и преданные подданные» [22, с. 90].

Трактат Форсета свидетельствует о том, в каком направлении публицистика абсолютистского толка предлагала читателям рассматривать отношения между монархом и законом. Форсет утверждает, что подобно тому, как душа, сравнение которой с монархом он произвел, посредством разума управляет телом, так и правитель управляет государством посредством законов [22, с. 91]. В самом этом сравнении содержится намек на иерархическую соподчиненность одного другому.

Развивая органическую метафору, Форсет уподобляет монарха сердцу: «Сердце – источник жизни, тепла, средоточие крови; орган, прежде всего начинающий жить и

умирающий позже всех. В согласии с этими добродетелями и достоинствами в каждом государстве признают власть монарха, ибо он полагает начало государству; от него оно получает драгоценную кровь жизни; подобно живительному огню, он зажигает государство; государство полностью ему доверяет; монарх управляет государством во всех отношениях, ибо без него оно не способно долго существовать и тотчас же распадется» [22, с. 100].

Обращение к трактату Форсета позволяет нам решить и такую сложную проблему в бытовании метафоры, как «окостенение» метафоры, превращение ее в термин, ограничивающий ее эвристические, познавательные функции (ср.: современные значения выражений «глава государства», «органы управления», «ветви власти» и т.п.).

Трактат Форсета обнажает специфическое отличие употребления органической метафоры в общественной мысли эпохи Возрождения, которое, на наш взгляд, состоит в том, что, с одной стороны, эта метафора до известной степени осознала лишь как риторический троп, с другой же – будучи наполненной медицинским (в ренессансном значении этой науки) содержанием, эта метафора сохраняла познавательную функцию.

Именно медицина XVI–XVII вв. наполняет метафору о государстве – теле новым смыслом, спасает ее от полного «стирания». В медицине того времени аналогия между макрокосмом и микрокосмом получает новое методологическое значение. В. Пажель указывает на проводимую в XVI – начале XVII в. аналогию между кровообращением и круговоротом воды в природе [30, с. 71–88, 89–122]. Метафора сыграла конструктивную роль.

Английский врач первой половины XVII в. Томас Браун в своем сочинении «Religio Medici» (1642) писал, что по поводу теории, представляющей человека в виде микрокосма, он думал, «что это лишь красивый риторический троп, пока при ближайшем рассмотрении не увидел, что в этом заключается истина, а именно, что человек совмещает атрибуты всех видов, от неорганических до ангельских» [19, с. 39].

Особое положение медицины в системе знания XVI в. объясняет, почему именно она наполнила своим содержанием аналогию между микрокосмом и макрокосмом. М.М. Бахтин был первым, кто обратил внимание на то, что в ту эпоху медицина находилась не только в центре всех естественных, но и гуманитарных наук, почти отождествлялась с философией: «Это была единственная эпоха... пытавшаяся ориентировать всю картину мира, все мировоззрение именно на медицину» [4, с. 391].

То, что медицина внесла такой большой вклад в тезаурус символов средневековья и эпохи Возрождения, объясняется самим характером медицины того времени – насквозь семиотичным. «Такие медицинские дисциплины, как диагностика и терапия, – пишет Т. Эскюль, — опираются на противоположные концепции патологического процесса. В то время как концепция симптомов — центральная в диагностике, каузальная концепция – опора терапии. Поэтому ответ на вопрос о взаимосвязи болезни и симптомов носил по преимуществу либо семиотический, либо каузальный характер. Научная медицина античности и средних веков трактовала это отношение как семиотическое. Она выработала свою эмпирическую методологию, в рамках которой, исследуя симптомы, приходила к заключению о прошлом и будущем состоянии организма» [37, с. 53].

Мысль М.М. Бахтина об особом месте медицины в картине мира эпохи Возрождения подтверждается разработкой образа врача, лечащего государство – тело, в английской публицистике того времени. В 1601 г. был опубликован «Трактат о раковой опухоли общего блага Англии» Жерара де Меляйнса, который писал, что в трактате «автор, уподобясь хорошему врачу, сначала поставит диагноз болезни, затем укажет на достаточную причину болезни и, наконец, даст средство, способное излечить» [36, с. 386].

В английской стихотворной сатире был широко распространен образ сатирика-хирурга, жестокими средствами излечивающего болезни общества [25, с. 170]. Но в публицистике, посвященной социально-политическим вопросам, это был сравнительно новый и неожиданный образ.

Образ памфлетиста-врача приобретал новое значение и, следовательно, корреспондировал не только с традиционным литературным образом сатирика-врача, но и с бытовавшими тогда представлениями о реальных врачах. Профессия врача считалась принадлежащей к числу тех, представители которых пекутся только о личной выгоде, – юристы, ростовщики, медики [24, с. 183–184].

Но в XVI в. происходит и реабилитация образа врача. Это – время критики Галена и галенизма, прочно связанных в обыденном представлении с врачом, пекущемся не о здоровье пациента, а о собственном вознаграждении. С Парацельсом же приходит и более ответственное понимание обязанностей врача перед пациентом [29, с. 180–186; 33, 201–217; 34, с. 130–132].

Неслучайным оказалось и выбранное Мелляйнсом название для определения болезни английского государства. Рак (Cancer) был заболеванием загадочным, страшным (пагубное воздействие многих совершенно различных болезней приписывалось раку) [29, с. 146–149; 35, с. 536].

В системе опытного знания Ф. Бэкона аналогии между макрокосмом и микрокосмом, истолкованной в медицинском смысле, не нашлось места: «Мы не собираемся, – писал Ф. Бэкон, – разделять с Парацельсом и алхимиками их сумасбродные идеи относительно того, что в человеческом теле можно обнаружить соответствия отдельным видам, существующим во Вселенной (звездам, минералам и т.п.), ибо эти басни представляют собою несерьезное и примитивное истолкование знаменитого положения древних о том, что человек – микрокосм, т.е. уменьшенный образ всего мира, и применение этого положения к их собственным измышлениям» [5, с. 274].

Но в предшествующий Ф. Бэкону период очевидна парадоксальная ситуация: в условиях накопления естественнонаучных знаний о человеческом организме, несмотря на появление в достаточной степени реалистических представлений о государственном устройстве (Н. Макиавелли, Ж. Боден), метафоры «тело – общество», «тело – государство», казалось бы обреченные на полное смысловое стирание, получают необычайно широкое распространение (например, Head of State «глава государства», Head of department «министр», head of household «глава семьи», headtax «подушный налог», heads of expenditures «статьи расходов», branches of power «ветви власти», body of legislation «законодательный орган» и т.д.). Пристальное изучение подобных метафор в политических памфлетах XVI – начале XVII в. позволяет углубить представление о специфике ренессансного мышления, ярко выраженном характере конкретно-чувственного восприятия действительности, натурфилософской картине мира, а также выявить степень реального восприятия и интерпретации естественнонаучных открытий современниками.

Судьба органической метафоры причудлива и непредсказуема. Памятный многим I Съезд народных депутатов СССР стал политической ареной для людей, в большинстве своем неподготовленных к анализу идущих в стране процессов ни в юридическом, ни в политологическом отношении. Поэтому рассуждения многих из них о проблемах государства сводились к сетованиям о «болезни» Отечества, к спорам о том, лечить его «терапевтически» или «хирургически». А поэт Олжас Сулейменов, выступивший с трибуны Съезда в защиту демократии, уподобил ее девственнице, и предостерег депутатов, как бы они «скопом не порушили ее».

Источники и литература

1. Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989.
2. Березкин А.В. Интерпретация модели общественного устройства в миропонимании человека эпохи Возрождения // Человек: опыт комплексного исследования. Владивосток, 1988.
3. Березкин А.В. Метафора государство – тело в английской политической мысли

- XVI–XVII вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 297–304.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965.
 5. Бэкон Ф. Сочинения. М., 1978. Т. 1.
 6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1998. Ч. 2.
 7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
 8. Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. М., 1998.
 9. Законы Ману / пер. С.Д. Эльмановича, испр. Г.Ф. Ильиным. М., 2002.
 10. Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.
 11. Кон И.С. Позитивизм и социология. Исторический очерк. Л., 1964.
 12. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. М., 1972.
 13. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование XVI–XX вв.). М., 1978.
 14. Сапрыкин Ю.М. Эдмунд Дадли и его идеи о реформе церкви // Культура эпохи Возрождения и Реформации. М., 1981.
 15. Сигнеева Р.В. Принцип метафоричности и его реализация в искусстве // Эстетика и жизнь. М., 1979. Вып. 6. С. 188–209.
 16. Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989.
 17. Фрейднеберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
 18. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие. М., 1993.
 19. Browne Th. Religio Medici. L., 1906.
 20. Conger G.P. Theories of Macrocosms and Microcosms in the History of Philosophy. New York, 1967.
 21. Figgis J.N. The Divine Rights of Kings. 2nd ed. Cambridge, 1922.
 22. Forset E. A Comparative Discourse of the Bodies Natural and Politique. London, 1606 // Winny J. (ed.) The Frame of Order. L., 1962. P. 89–103.
 23. Gierke O. Political Theories of the Middle Age / Ed by F. Maitland. Boston, 1958.
 24. Hale J.R. Renaissance Europe. L., 1971.
 25. Kernan A. The Canceled Muse. New Haven, 1959.
 26. Morall J.B. Political Thought in Medieval Times. 2nd ed. London, 1960.
 27. Morris Ch. Political Thought in England: Tyndale to Hooker. Oxford, 1953.
 28. Mylius K. Wörterbuch Sanskrit-Deutsch. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1975.
 29. Pagel W. Paracelsus. Basel, 1958.
 30. Pagel W. William Harvey's Biological Ideas. Select Aspects and Historical Background. Basel, 1967.
 31. Sabine G.H. A History of Political Theory. 3d ed. L., 1959.
 32. Taylor H.O. The Medieval Mind. 4th ed. L., 1927. Vol. II.
 33. Temkin O. The Elusiveness of Paracelsus // Bulletin of History of Medicine. 1952. Vol. 26.
 34. Temkin O. Galenism. Rise and Decline of a medical Philosophy. Ithaca (New York), 1974.
 35. Thomas K. Religion and the Decline of Magic. L., 1971.
 36. Tudor Economic Documents. L., 1924. Vol. III.
 37. Uexkull T. Historische Oberlegung zu dem Problem einer Medizin – Semiotik // Zeitschrift für Semiotik. 1984. Bd 6. Hft. 1–2.